

Продолжение. Начало в № 1–12 за 2013 год, в № 1–12 за 2014 год, в № 1–12 за 2015 год, в № 1–12 за 2016 год, в № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 за 2017 год

Кроме своего боевого имени, Лев Лапкин получил от судьбы еще один толчок к боевитости: он родился в 1941 году и впитал дух военных и послевоенных лет, определявший в стране все. К амплу академического специалиста (три докторские диссертации, сто научных трудов по математике, электронике и ракетостроению) надо еще прибавить занятия боевыми единоборствами... Настоящий боевой шестидесятник!

Но и это еще не все. Как представитель послевоенного советского поколения он наследует землю, которую надо исходить пешком с рюкзаком за плечами.

В какой-то степени это осуществляется, когда наш герой, оставив незабываемый Питер, спускается к южным границам еще не до конца развалившейся советской державы.

Диалоги родных:

— Скажи, как по-грузински будет «здравствуй»... А как будет «спасибо»? А как сказать «я люблю тебя»?

Земшарная солидарность все еще сквозит в этих контактах. Вера, что человечество соберется воедино и построит общее счастливое будущее.

Увы. Эта вера рассыпалась вместе с исчезновением такого марксистски реализованного призрака, как мировой коммунизм. Химеры исчезли.

Химеры исчезли, а контуры земшара остались. Я это почувствовал, когда увидел в «Литературной России» первый очерк, подписанный псевдонимом Кругосветов. И теперь, собирая вместе впечатления обо всем этом цикле исповедальных очерков, я чувствую, что земшар по-прежнему ждет от Саши Кругосветова глобального мироохвата.

Почему упоминается загадочная Перу, где рассказчик никогда не бывал?

Потому что земшарное бытие едино, и шарик, летящий в пустоте мироздания, неотделим от человечества, которое на нем держится.

Поэтому «из моря снова всплывает Ирландия»... Не говоря уже о Сербии или Болгарии, которые для рассказчика — свои!

И даже проспект, воображенный не в реальных координатах, а в «бесконечной перспективе перспективы», получает знаковое имя: Рейнский...

Самарканд и Бухара — близнецы-братья: герой бродит по пыльной Бухаре, предпочитая ее яркому, разрисованному Самарканду. Ощупано, обжито!

А «древние районы»? «То ли Иудея, то ли Палестина». Туда «пока не попасть». Но тоже обжиты — в сознании. «То ли Палестина, то ли Израилевка!»

Одним словом, «гладь планеты». «Чудный устроили трехмерного пространства, которое устроили здесь для путника боги земли».

Земшара, созданного, чтобы приручить бродивший по миру призрак коммунизма, Саша Кругосветов не освоил. Но освоил то земшарное мироощущение, которое завещал нам всем Пушкин.

«И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть и равнодушная природа красую вечною сиять».

Что тут завораживает? Перегляд жизни и смерти. Младая жизнь, играющая у гробового входа. Красота природы, которая вечна. И — равнодушна.

Вселенная охвачена в ее природном, немислимом, смертельно-опасном и жизненно-щедром единстве. Эту Вселенную надо заново осваивать. Скорее душой, чем реальной работой.

Кругосветов осваивает эту реальность в ее всемирно-природном единстве. Где человек — лишь часть ее... Да еще вопрос: главная или не главная?

Природа бунтует, становясь вровень человеку. Он мнил себя царем природы? Напрасно. Есть в природе силы, которым человек должен подчиниться. Эти силы бунтуют.

Вот этот бунт: «Голубь размером с крупного петуха, переваливаясь на мощных лапах, врзался в самую гущу голубиного стада и, едва опробовав хлебных крошек, тут же бросился отгонять соседей. После нескольких могучих ударов новичка стая взвилась в воздух, оставив на песке два трупика с пробитыми черепами и вытекшими глазами. Новичок тоже взлетел и некоторое время сопровождал стаю, невинно поклевывая соседей, отчего те переворачивались в воздухе и падали замертво. Сочтя миссию устрашения частично исполненной, он вернулся на землю и поспешно собрал клювиком все оставшиеся крошки».

Откуда это остервенение?

Дело в том, что «в связи с необыкновенной солнечной активностью появилось множество мутантов — животных огромного размера».

Отсюда же — в метро — гигантские пауки, которые выскакивают из туннеля, рассматривая толпы суеящихся людей, переглядываются, показывают что-то друг другу мохнатыми лапами и дико хохочут. При попытке поймать их уносятся по потолку и стенам с воем и хохотом — и исчезают в бесконечно разветвляющихся тоннелях метрополитена.

Отсюда же — «полупудовые жуки... И красные волки. И африканские слоны, и буйволы с сильно развитыми бивнями, а также волосатые быки, на-

поминающие бизонов внешностью, но далеко не нравом — резвые, буйные и агрессивные».

«Похоже было на то, что мать-природа развернула планомерную и обширную деятельность по пересмотру того, какие свои милости оставить человеку, какие — отобрать».

В этом бунте животных естественно появление царя зверей, имя которого изначально, до псевдонима, было дано Кругосветову.

«Однажды в ярко-голубом небе он увидел ослепительно-белого лебедя — тот медленно плыл, взмахивая крыльями и перебирая четырьмя громадными пушистыми белыми львиными (!) лапами...»

Но не только братья наши меньшие показывают зубы и лапы.

«На Лесном проспекте неожиданно сломалось пополам здание очень солидной конторы, образовав гигантские трещины, подрывающие деятельность важнейших служб, занятых противодействием и борьбой с утечкой информации. Перелом произошел вследствие поднятия центральной части фасада здания из-за вспучивания почвы под фундаментом. При вскрытии фундамента под ним было обнаружено семейство необычных, до метра в диаметре, очень прочных грибов».

Вспучивается почва, каменеют грибы.

«Природа проснулась, и человек снова занял в ней лишь некоторой важности место, не слишком маленькое, но и не особо выдающееся — ровно такое, какого он достоин на самом деле».

Что же будет с человеком, когда природа мироздания вернет его с пьедестала на относительно скромное место?

Саша Кругосветов обозревает это место. Очищает его от безобразий исторической деятельности людей. Главным ответчиком за эти безобразия назначен Сталин.

«Опять Сталин... Вечно живой тиран смотрит в сторону моря. Что он там видит — коммунизм? Который мы так и не построили. Никита тоже обещал. Где теперь Никита, пять лет как нет его, и где тот коммунизм? Ни Никиты, ни коммунизма. А тиран жив. И оттуда, с того света, жесткая рука вождя народов держит нас за горло».

Интересно, что «вождь народов» изъят из смертельной ситуации Великой Отечественной войны. Так легче от него избавиться очищенной памяти.

Ну хорошо, место очищено.

Саша Кругосветов всматривается в новую реальность, которая выстроена на этом очищенном месте.

Это — самое интересное, самое существенное откровение в его исповеди.

Я сосредоточусь на трех острых пунктах.

Первый пункт: шпана, ожившая на этих улицах. Хозяева улиц.

И важные люди в кабинетах — важняки.

«На самом деле — одно и то же. Две ипостаси одного. Раньше это называли — руководящая и направляющая... А сейчас? Трудно подобрать слово — элита, верхушка, избранные, сливки общества, суперэлита, истеблишмент, соль земли — ничего не подходит в точности, но понять можно — накипь такая, всплыла самозванно, прибрала к рукам рычаги общества, закрыла поры, перекрыла всем кислород, важняки, одним словом. Разные, очень разные, могут быть в конфликте, могут душить, убивать друг друга, если потребуется, если обстоятельства так сложатся, если карта ляжет... Без злобы, без ненависти, — просто "бизнес", ничего личного, что тут объяснять? Потому что хорошо понимают друг друга, даже симпатизируют, потому что социально близкие... Одному делу служат... Какому делу-то? Кому служат? — народу, наверное, стране...»

Что поразительно в этом двойном портрете: даже если убивают, то «без злобы и ненависти». И без всякой наживы! Нажива — это когда важняки загребают миллионы... за что могут угодить и в полицию, и в тюрьму, и в лагерь.

А тут что? Наживы — никакой: мизер. Так откуда готовность убивать друга?

Объяснение одно: сам стиль общения, сама вольность, само упоение «бизнесом», даже если в уличном масштабе он ничтожен... зато свобода!

«Мазы не будет? Тогда так... Видишь лес? Берем стволы, идем туда, ты и я, кто вернется, тот и прав...»

Смелый ход предложен. Понтить тоже надо уметь, если ты Дон Кихот «в море мутной братвы». А что у братвы? «Водка, бабы, чтоб помястее и потолще. Бои без правил, зелени побольше...»

На случай, если какой-нибудь охламон (вроде меня), не обтерханный сленгом, вообразит в зелени что-то огородное, — вот уточнение: «Лимон зеленых не хухры-мухры».

Понятно? Вся эта новая реальность — не хухры-мухры. Пофартило — будь здоров! А нет — по твоей машине могут с мотоцикла открыть огонь братаны в черных шлемах.

Что делать?

«Столкнуть подругу в просвет между сиденьями и закрыть своим телом».

Мотоциклисты, изрешетив пулями автомобиль, бросят автоматы с пустыми рожками и с ревом умчаться.

А жизнь продолжится.

Другой знаменательный пункт этой новой реальности — отношения родителей и детей.

Успехи науки позволили вынашивать и выхаживать детей, у которых раньше не было шансов живыми появиться на свет.

Теперь есть. И у родителей есть шансы сдать своих детей на воспитание в интернаты. Раньше на это не было ни средств, ни обычая.

Результат?

«Всех люблю. Кроме родителей. Не признавала их, когда жила в интернате. Они со мной не возились — скинули в школу для детей с ограниченным зрением... И концами. Ни ногой. Годами не приходили. А приходили — номер отбывали... Молодец, дочка. И пока».

Чем ответила дочка?

«Строптивой росла. Несколько раз из дома убегала. Вы так, вот и я так. Я вам не нужна, а вы мне и подавно не нужны. Без вас проживу. Шла куда ноги веди».

На всю жизнь — обида, граничащая с ненавистью. Когда мамы уж нет в живых, дочь понимает, что надо было простить. Поздно...

А пока не поздно — эротический инстинкт вытесняет все прочие эмоции. Теперь все можно! Пятидесятилетняя матрона в общей квартире встает на пути малолетнего пацана: «Иди ко мне!» И даже: «Войди в меня!» И тот пойдет. И войдет.

И до преклонных лет: «Арончик, старичок, покажи, на что способна старая гвардия!»

Старичок знает. Что зрос — естественное желание организма. Так что причин дл соития много, а словес — еще больше.

А если в этом всеестественном зросе проглянет настоящее чувство? Как, бишь, его... Любовь!

А вот тут ни звука. Настоящая любовь безмолвна.

И тут мне открывается третий, самый важный пункт самоощущения Кругосветова.

Чем ближе сознание к смыслу бытия, тем невозможнее облечь этот смысл в слова.

Лейтмотив мироощущения человека, попавшего в эту новую реальность: лучше не пытаться ее понять. Лишь одно понятно: дальше будет хуже.

А раз так, то лучше не дразнить судьбу. И жить так, чтобы все получалось «само собой». Не спугнуть истину, пытаюсь облечь ее в слова.

«Но ведь есть еще вечные истины, черт побери!»

Есть. Но чтобы с ними совладать, нужен черт.

А бог? «Не знаю. Не видел его. Наверное, он есть... Ну, решили, что бог это... Ну, то, что называют так. Это все, что не по силам нашему человеческому уму».

Понятно? Чтобы обрести рассудок, нужно пройти через безумие. Иначе причины и следствия будут непредсказуемо меняться местами. Пойди пойми, где начало и где конец?

«Нашей определенной. Предсказуемой и такой уютной вселенной — конец. Ничего уже не подтверждается. Ни закон всемирного тяготения, ни одна из констант. Логика разрушается».

Да нужна ли логика?

«Что вы сможете проектировать, на что опираться. Даже непослушные и непредсказуемые кванты и элементарные частицы удалось втиснуть в законы квантовой механики... А сейчас ничто уже не укладывается. Все расплзается. Хотите быть инженером? Нет уже такой профессии. Нет основ. Не на что опереться. Вселенная разваливается. Планеты уже движутся по другим траекториям. Посмотрите по сторонам: все разрушается...»

Все?!

Сейчас будет сказано главное: «Уже не мы определяем этот мир. А наши смарты. Именно они все сейчас строят под себя. А мы послушно идем в кильватере их виртуального мира... Смарты — новая цивилизация, полностью подчинившая нас. Мы для них — средства воспроизводства. Все, что бы мы ни делали, — это только их интесы... Мы, люди, профукали нашу собственную, свою, человеческую жизнь. Вот так, батенька. А вы... проектировать... Не смешите».

На случай, если читатель (батенька) не силен в современных понятиях, объясню, что я выяснил по поводу смартов. Насколько я понял, это один из

вариантов такой ультрасовременной системы современных интеллектуальных машин, как гаджеты. Эти умные машины перехватывают у создавшего их человека все его функции, которые я не берусь перечислять.

Смарты — это те же гаджеты, но по миниатюрности укладываемые в габариты телефона. Не могу вникать в детали — все равно ничего не пойму. Кроме одного: смарты — это новая цивилизация, полностью подчинившая нас.

Все без нас и все заново: и цели, и сам смысл существования.

Все старое обесценивается, обесмысливается, отменяется. Это мне понятно. Как и реакция Кругосветова. Ответившего словами одного из героев: «Новые смыслы не нужны. Сохранить бы старые, удержать. Не потерять».

И тут я не удержусь от полемического вопроса (до этого — никакой полемики с Кругосветовым, только изумленная признательность за его «земшарность»). Вопрос же такой. Если все старые смыслы не работают, потому что их вытеснила смарт-реальность, и «великие посланцы темных миров создают пронизывающие нас новые виртуальные миры, в которых прежние ответы на вопросы о смысле бытия — бессмысленны. Какой тогда резон все это восстанавливать? Чтобы получить все ту же бессмыслицу?»

Впрочем, смысл земшарного коловращения, может, в этом сверхсмысле и заключается? Сколько бы ни садилось солнышко на западе — утром с востока встанет. А сколько бы ни вставало с востока — все равно сядет. На западе.

А вдруг не встанет и не сядет?

Тогда и обсуждать будет нечего. Все вернется к бессмыслице, которую мы пытаемся удержать в земшарности.

Как это и делает Саша Кругосветов.

Продолжение следует.